

Igor Kaziuczyc

Uniwersytet Szczeciński

ORCID: 0000-0003-3099-3026

DOI: 10.15584/978-83-8277-182-4_4

«Сибирская Варшава» или далекая Вершина. Польский язык в сибирской глуши

Несмотря на всеобщую, проникающую во все сферы жизни человека глобализацию, всегда остается несколько «непокоренных оплотов» человеческого бытия, его самоидентификации, национальной и языковой индивидуальности. Одним из таких «оплотов бытия» является язык. Язык, как известно, одна из постоянно развивающихся и динамично меняющихся живых структур. Язык никогда «не стоит на одном месте» он всегда в движении.

(И. Казючиц)

Наше исследование посвящено функционированию польского языка в селе Вершина Иркутской области Российской Федерации. Данное село, одно из немногих мест на территории России, где в быту кроме русского широко используется польский язык, обусловлено это тем, что большую часть населения села составляют этнические поляки, поселившиеся здесь в начале XX века. В рамках исследовательской работы будут поставлены следующие задачи:

- выявить тип миграционного процесса, в результате которого возник данный анклав;

- произвести лингвистическое описание говора;
- выявить закономерности взаимодействия польского языка с русским идиолектом, в окружении которого он функционирует.

Предметом исследования станет говор (субдиалект) польского языка, то есть разновидность языка, используемая в общении небольшой, как правило, территориально связанной части носителей данного языка. Материалом исследования является корпус говора польского языка деревни Вершина. Принят историко-культурный и лингвистический подход к анализу материала, с особым вниманием на фонетические, морфологические и лексические особенности говора Вершины, а также особенности связанные с культурой речевого общения.

1. Несколько слов об историко-культурных особенностях населения деревни Вершина

В Боханском районе Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области, примерно в 130 километрах к северу от Иркутска, расположена маленькая деревня Вершина с населением примерно 300 человек. Сегодня деревня Вершина представляет собой одно из когда-то многочисленных польских поселений, основанных на территории Сибири. Часть данных сел и деревень своим появлением обязаны переселению населения с территории Царства Польского в середине XIX века, другая же часть своим появлением обязана проводимыми в начале 1930-х в массовыми насильственными депортациями польского населения с присоединенных территорий Западной Украины и Беларуси, входивших в состав независимой Польши в межвоенный период (Петров 2003: 17). Однако, у описы-

ваемой нами деревни Вершины совсем другая история. В 1906–1914 гг., по предложению Председателя Совета Министров Российской Империи Петра Аркадьевича Столыпина была организована и проведена аграрная реформа, суть которой заключалась в том, что крестьянам из европейской части Империи (в том числе крестьянам так называемых «национальных окраин» вроде: Польского Царства, Курляндии, Эстляндии, Литвы) предлагался переезд с мест их проживания на территорию Сибири, где им предоставлялась земля для обработки и её последующего принятия в частную собственность. Деревня Вершина основана в 1910 году польскими добровольными эмигрантами, в основном из района Домбровского угольного бассейна (*Zagłębie Dąbrowskie*), входящего в состав Малой Польши, где также сильно культурное и историческое влияние соседней Силезии (Figura 2003: 75). Но обещанная переселенцам под хозяйственные нужды земля оказалась мало пригодной для земледелия, и большая часть добровольцев уехала обратно на родину. Для оставшихся же поляков начался новый этап в их жизни, вдалеке от родины, ими было образовано сельское общество во главе со старостой, основана школа, мельница, а в начале 1915 года был построен храм святого Станислава Краковского. Но, к сожалению, мирное существование деревни оказалось недолгим. Сразу после революции 1917 года, началось активное уничтожение старого жизненного уклада, и поиск новой самоидентификации молодого Советского Государства. В первую очередь силы уничтожения направились на самый распространенный, но в тоже время самый незащищенный класс населения, т.е. крестьянство. Массовая коллективизация, а затем раскулачивание, ссылки и уничтожение крестьянства как класса, заставляли в первую очередь крестьянскую молодежь переезжать в город, для того чтобы выжить, а итогом этой

политики стало явление, наблюдаемое и по сегодняшний день, определяемое как вымирание деревень. Во время Большого террора 1937–38 годов в Вершине было арестовано 29 человек. Все они в последующем были расстреляны по 58-й (так называемой «политической») статье УК СССР за организацию подпольной шпионской диверсионной организации направленной на нанесение вреда СССР и сотрудничество с Польской Республикой (Figura 2003: 93). Вместе с Большим Террором 1930-х годов, начался период, когда в научной и политической среде возникла идея интернационализации и объединения национальных культур и языков для создания одного социалистического континуума «где нет ни Эллина, ни Иудея, ...ни варвара, ни Скифа» (Библия Кол. 3: 11), а будет единый «*Homo sovieticus*»¹. На протяжении долгих десятилетий жители деревни старались скрывать свою этническую принадлежность, опасаясь повторения репрессий, что впоследствии, конечно, не могло не нанести ущерб самосознанию и в конечном итоге языку. Многие годы польский язык функционировал исключительно в устной форме. Вершининцы владели лишь устной речью. Еще до недавнего времени почти никто в селе не умел ни читать (польской литературы и книг в селе почти не было), ни писать по-польски. Последняя возможность научиться этому была утрачена вместе с закрытием польской школы в 1930-х гг. С тех пор обучение детей проводилось исключительно на русском языке.

Только после 1990 года, в связи с политическими преобразованиями по инициативе главы сельской администрации в Вершининской средней общеобразовательной школе ввёлся в качестве иностранного польский язык.

¹ С латинского – Человек советский.

Иногда именно тут, в школе, дети из польских семей впервые встретились с польской речью, так как дома говорят уже только на русском. Также вначале 1990-х гг., в село, начинают приезжать первые поляки с территории Польши (одним из них был католический священник Игнаций Павлюс SDS, с которым, автор пишущий эти слова, имел честь быть знаком лично и от которого впервые в жизни услышал о деревне Вершина). В Вершине, на польском диалекте постоянно говорят в основном представители старшего и среднего поколений. Молодое поколение польских детей как правило общается между собой по-русски: «*No u nas v deřevňe v osnovnom gadajo na ruskim jazyku. No ješli mi fstrecami Polakuf, s Polakami gadami po polsku. Moze dzeći uni poimovajo po polsku. Uni tak neispolzujut jazyk, no jesli mi opšaimsia, to uni poñimajut ten jazyk....*» (Stupiński 2009: 212). Во время беседы носителями говора, замечается частный переход с одного языка на другой (так называемое переключение кодов «Code-switching»). Раньше у большинства жителей села отмечался врожденный билингвизм, им не составляло труда перейти с одного языка на другой. Слова конкурируют между собой на равных, но можно заметить, что со временем выигрывает русский эквивалент.

2. Лингвистический анализ говора Вершины

Исследование лингвистических особенностей говора села Вершина, показало, что, несмотря на тесное взаимодействие с русским языком, этот **говор продолжает сохранять основные черты юго-западного (малопольско-силезского) типа польского языка**, на базе которого формировался данный говор.

2.1. Фонетические особенности

Одной из особенностей юго-западного (малопольско-силезского) типа польского языка является сужение гласных и переход одних фонем в другие.

Таблица 1. Фонетические особенности говора Вершины: сужение гласных и переход одних фонем в другие

А	-o	<i>jo, teros, trowa</i>
	-u	<i>wum, dum, sum</i>
Е	-i	<i>wi, doniś, dzisiunty</i>
	-y	<i>słowym, znałyś</i>
О	-u	<i>kuń, dum</i>

В говоре деревни заметно характерное **оканье**: *trawa* – trawa, *cytom* – czytam, *jo* – ja, *tyl'e l'ot* – tyle lat, *copk'i* – czapki, *mo tam syna* – ma tam syna.

Отмечается **i/y** на месте ***ē** и сужение **e** перед носовым согласным: *dop'iro* – dopiero, *p'in'inzy* – pieniędzy, *jo n'e v'im* – ja nie wiem, *xl'ip* // *xlyp* – chleb, *ożyn'il še* – ożenił się, *tyń* – ten, *bżidno* – biednie.

Замечается переход ***ō** в **u**, а также сужение **o** перед носовыми согласными: *na kun'ax* – na koniach, *po tej strun'e* – po tej stronie, *na kuńcu* – na końcu, *kumu zeşył* – komu uszył, *un* – on, *una* – ona, *mum* – mam, *sum* – są.

В языке вершининцев, сохранился родной для их материнского диалекта польского языка процесс «**мазурения**», при котором смешиваются шипящие и свистящие согласные: *jus* – już, *moze* – może, *cego* – czego, *jescce* – jeszcze, *prose* – proszę, *japokaze* – pokażę, *zijo* – żyją, *copka* – czapka (Umińska 2011: 30).

Отмечается наличие твердых (или полумягких) **ž** и **š** на месте **ż** и **ś** (разновидность сяканья – «шаканье»): *šostra* –

siostra, fšo, fše – «всѣ», «все», *špševajo* – *śpiewają*, *še* – *się* – «-ся, -сь».

В вершинском говоре встречаем отдельные случаи выпадения согласных *tera* – *teraz*. Особенно часто оно отмечается для согласного **l**: *sup, jarko, sunce, cowiek, xop* – *chłop*, здесь «муж».

2.2. Лексические особенности

В лексике заметно влияние русского языка. С каждым годом запас польских слов становится все более скудным. Замечается использование русских слов, но с последующей их полонизацией: *pensjońery, masło rastitelnoje, mašina*. Из-за того, что польский язык вершинцев как таковой перестал развиваться в середине 1920-х гг., на многие современные события, явления и понятия возникающие в ежедневной жизни у жителей деревни не было польских названий, особенно это отмечается в области техники, моды, косметики, медицины где присутствует много заимствований из русского языка, например: *kombajn, pomada, buxgalter, chore letkie* – большие легкие; *miałam apiendicyt* – у меня был аппендицит; *una bieriemianno* – она беременна; *cynga* – *szkorbut*, *kor* – *odra*.

В лексике говора отмечается специфическая омонимия. Как известно омонимия – это сходство слов в звуковом отношении при различии значений (лук/орудие охоты – лук/овощ), здесь же замечается межъязыковая омонимия, когда носители используют польское слово, но в значении русского языка и наоборот (часто термин «межъязыковая омонимия» заменяется другим синонимичным термином «ложные друзья переводчика») например: *časka, list, uważać, naprawiać, dzierzawa*

(Komorowska 2012: 97). Из-за заимствований с русского языка, существуют слова, которые в данном говоре имеют совершенно другое значение: «**dywan**» в литературном польском обозначает «ковёр», в говоре – «диван», «**rozebrać się**» – в польском «раздеться», в говоре – «выяснить отношения, разобраться», «**woń**» – в польском каждый запах, в говоре острый неприятный смрад (Komorowska 2012: 103). В говоре замечено использование экспрессивных лексических средств (например, русских ругательств) (Umińska 2011: 36–38).

В говоре сохранились также типичные лексемы, восходящие к «материнскому» диалекту. Малопольские лексемы *gażina* «скот, скотина», *kaj* – «где, куда», *kej* – «когда», *tatarka* – «гречиха», малопольско-силезская *żouxa* – «девочка», *Łejki* – *lanu poniedziałek* (Umińska 2011: 26).

Без изменений сохраняются и используются слова ежедневного использования: *dum* (дом), *rzyka* (река), *drzewo* (дерево), *ptok* (птица), *krowa* (корова), *kuń* (конь), *świnia* (свинья), *sklep* (магазин), *chlyb* (хлеб), *copka* (шапка), *ogródek* (огород), *burok* (свекла) и т.д.

2.3. Морфологические особенности

В морфологии говора уже заметны изменения под влиянием русского языка. К ним можно отнести:

- отсутствие личных окончаний в прошедшем времени (*my pošl'i* – *poszliśmy*, *ja še rodzi* – *urodziłem się*);
- утрата чередования **К:С** у существительных женского рода (*v Aleksandrofke* – *w Aleksandrowce*);
- образование гибридных форм превосходной степени (суперлатива) при помощи слова **sam (-a, -yj)** + (*sama starša* – *najstarsza*);

- утрата под воздействием русского языка личных окончаний в глагольных формах прошедшего времени: *Ja pošet – poszedłem, ty pošli – poszliśmy*;
- возрастание числа слов дублеров в рамках одного речевого акта, например: *tak/da, navet/daže, barzo/očeň, točno/dokładnie*;
- появление гибридных форм, представляющих собой объединение в рамках одной словоформы элементов русского и польского языков: *otv'eca, po fšyjstkej (pl) werojatnosti (ru), co (pl) nibud' (ru)*.

2.4. Синтаксические особенности

Характерная синтаксическая особенность, возникшая в говоре под влиянием русского идиома, – замена конструкций с глаголом «иметь» конструкциями с глаголом «быть»: *jest šotra u mñe, u mñe tšyi deći. Замечается также использование русских союзов (da), предлогов (kroñe, iz, vrod'e, rad'i): do obiadu – przed obiadem, v A'leksandrofke, citać na polskem. Частиц da'ñet, vot, вводных слов и клише vopšče, vopšem, napriñ'er, koñešno, što l'i, fs'o ravn'o, v osnovn'om.*

2.5. Особенности культуры речевого общения

В говоре нет форм вежливого обращения «**Пап**», «**Папи**». Однако сохранилась типичная для материнского диалекта польского языка форма обращения к родителям на «**Вы**»: *Tato zróbcie, Mamo napiszcie*, а при констатации факта: *tata zrobili, mamo napisali* (Пасько 2011: 75).

Если мужская фамилия заканчивается на **-ек**, то в фамилии женщины вместо **-ек** появится **-ова**: *Янашек – Янашкова, Рацек – Рацкова*. Если фамилия заканчивается

на **-а**, то в этом случае происходит ее переход в **-іна**, **-уна**: *Митрынга – Митрынжина*, *Соя – Соина*, *Фигура – Фигужина*. Наиболее распространенные фамилии – *Мыцка*, *Фигура*, *Поспех*, *Новак*, *Вижинтас*, *Митренга*, *Калета*, *Петшик*, *Рачек*. У старшего поколения жителей Вершины преобладают польские имена: *Антонина*, *Елена* (редко *Хелена*), *Станислав*, *Францичек*, однако в некоторых именах, используется правило благозвучия характерное для русского языка, например, имя *Казимеж* – в говоре звучит, как *Казимир* или используется аналог имени в русском языке, например *пол. Войцех рус. Адальберт*.

Наблюдая за тенденциями в использовании и развитии польского говора вершинян можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время не существует какой-либо конкретной программы по сохранению говора деревни Вершины. Замечается все большая русификация населения и следовательно, русификация говора.
2. Из-за социально-демографических явлений число польскоговорящих жителей Вершины, постоянно сокращается. На данный момент вершининский говор используется в основном среди населения преклонного возраста.
3. Политико-экономические события в значимой мере ускоряют процесс исчезновения польского языка в ежедневном общении этнических поляков деревни Вершина, и строить какие-либо прогнозы его развития крайне рискованно.

Степень диалектных различий носителей говора польского языка деревни Вершина и носителей литературного польского языка не препятствует их взаимопониманию и полноценной коммуникации, однако с каждым годом в говоре отмечается все более заметная интерференция русского языка.

Библиография

Русскоязычные источники

- Аванесов Р.И., *Очерки русской диалектологии*, Москва 1949.
- Ананьева Н.Е., *Островной польский диалект* [в:] *Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности*, кн. II., Москва 2015, с. 9–15.
- Ананьева Н.Е., *Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации)* [в:] *Исследования по славянской диалектологии 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов*, Москва 2016, с. 85–92.
- Библия. Современный Русский перевод*, Москва 2011.
- Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В., *Учебный словарь лингвистических терминов*, Ростов-на-Дону 2005.
- Гольцкер Ю.П., *Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири* [w:] *Interferencje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny*, red. S. Warchoń, Lublin 1989, с. 133–147.
- Никитина С.Е., *Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике*, Москва 1978.
- Пасько Д., *Польский островной диалект жителей дер. Вершина в Сибири* [в:] *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*, Москва 2011, с. 72–80.
- Петров Н.В., Рогинский А.Б., *«Польская операция» НКВД 1937–1938 гг.*, Москва 2003.

Польскоязычные источники

- Decyk W., *Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna*, „Poradnik Językowy” [Warszawa] 1995, z. 8, s. 20–30.
- Figura L., *Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi* [w:] *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*, red. E. Nowicka, M. Głowacka-Grajper, Kraków 2003, s. 71–132.
- Komorowska E., *Jak się ma krawat do kravat’, dywan do divan czy kawior do kavior, czyli o polsko-rosyjskiej homonimii międzyjęzykowej*, „Studia Językoznawcze” [Szczecin] 2012, t. 11: *Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań współczesnej polszczyzny*, s. 93–108.
- Mitrenga-Ulitina S., *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin 2015.

- Nowicka E., Głowacka-Grajper M., *Polskość zastygła. Spojrzenie antropologa na Wierszynę* [w:] *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*, red. E. Nowicka, M. Głowacka-Grajper, Kraków 2003, s. 33–70.
- Stupiński E., *Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska*, „Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego” 2008, t. 53, s. 207–217.
- Stupiński E., *Polszczyzna okolic Krasnojarska*. Rozprawa doktorska napisana w Katedrze Dialektologii Polskiej UŁ. Promotor prof. dr. hab. Sławomir Gala (mps), Łódź 2009.
- Umińska A., *Polskie cechy fonetyczne i leksykalne w gwarze wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia)* [w:] *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*, red. E. Nowicka, M. Głuszkowski, Toruń 2013, s. 27–42 .

„Siberian Warsaw” or distant Vershina. Polish language in the Siberian wilderness

Summary

The study is devoted to the functioning of the Polish language in the village of Vershina, Irkutsk region of the Russian Federation. This village, one of the few places in Russia where, in addition to the Russian language, the Polish language is widely used in everyday life, is due to the fact that the majority of the population of the village are ethnic Poles who settled here at the beginning of the 20th century. As part of the research work, the following tasks were set:

1. Identify the type of migration process that resulted in the emergence of this enclave.
2. Make a linguistic description of the dialect.
3. To reveal the regularities of the interaction of the Polish language with the Russian idiom, in the environment of which it functions.

Keywords: dialectology, dialect, language, the village of Vershina